

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

**НЕ ЖДИ, НЕ КАЙСЯ,
НЕ ПРОЩАЙ**

ЭКМО

Расследования криминального репортера

Сергей Зверев

Не жди, не кайся, не прощай

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Не жди, не кайся, не прощай / С. И. Зверев — «Научная книга», 2012 — (Расследования криминального репортера)

Отслужив в армейском спецназе, Константин Роцин устроился работать в службу безопасности к предпринимателям, а по сути, бандитам – братьям Александру и Сергею Мотылям. Служил он им верой и правдой, а когда на Александра напали киллеры, не задумываясь бросился к нему на помощь и расстрелял троих убийц. Но за этот самоотверженный поступок братья расплатились с Константином черной неблагодарностью. Они объявили, что Роцина знать не знают, никогда он у них не работал, а парней убил по собственной инициативе. Костю засадили на долгий срок. И сидеть бы ему на нарах до скончания своих дней, но подвернулся случай совершить побег. А у Кости на воле остался неоплаченный счет к Мотылям, и месть его будет суровой...

© Зверев С. И., 2012

© Научная книга, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Не жди, не кайся, не прощай

Глава 1

Мясо с кровью

Пробиравшаяся через тайгу тройца чем-то смахивала на беглых эзков, вот только экипирована была иначе. Камуфляжная военная форма, вещмешки, высокие ботинки, автоматы...

Подразделение внутренних войск подросло? Пожалуй, что так оно и есть, решил Егорыч, незаметно наблюдая за тремя парнями, прущими по тайге, как танки. Ему вдруг стало жаль безвозвратно ушедшей молодости. А еще ему захотелось занять точно такую же одежду и обувь. «Ни тому ни другому сносу нет», – завистливо подумал он.

Сам Егорыч был обряжен в неизменную засаленную телогрейку, допотопное галифе с выцветшим кантом и латаные кирзовые сапоги. Несмотря на просторную одежду, скрадывающую очертания фигуры, было заметно, что он худ и жилист, как отощавший по летней поре волк, но силенок в нем все же оставалось много. Это с учетом застарелой язвы и семи десятков лет с гаком, считать которые скрупулезно было неохота, да и незачем. Годы в тайге – что! Главное – зубы, а их у Егорыча оставалось ровно пятнадцать, каждый наперечет. Осторожно потрогав языком расшатавшийся верхний клык, Егорыч ловко сдернул с плеча двустволку, присел и выглянул поверх полусгнившего ствола лиственницы.

Пятнистая тройца его не заметила. Топала по лесу шумно, почти не таясь, хрустела валежником, шуршала небрежно отбрасываемыми еловыми лапами. Потянув ноздрями, Егорыч уловил кислый запах пота. Идущий первым еще и дымил сигаретой как паровоз – за версту учуять можно. Желторотик. Бывалый таежник себе такого никогда не позволит.

Хмыкнув, Егорыч двинулся параллельным курсом, ставя ноги так, чтобы не наступать на сухие сучья. Ружье он держал стволами вниз, потому как стрелять в людей не собирался. Хотя и мог пальнуть, как много лет назад, когда на его заимку наведались беглые урки, позарившиеся не только на харчи, но и на жену Егорыча. Кости их давно сгнили в земле, да и Клавдия в скором времени преставилась, подхватив воспаление легких. Затем настал черед любимой лайки Стрелки, схватившейся с рысью. С тех пор Егорыч куковал один, потому что куковать больше не с кем было. На пришлых людей смотрел он настороженно, однако с живейшим любопытством.

Если предположение Егорыча было верно, то он видел перед собой служивых, явившихся по его вызову. Однако можно было и ошибиться. Конвойные на зоне столь активно перенимали у эзков повадки и привычки, что порой становились неотличимы от них. Особенно когда усаживались на корточки и заводили приклатненные разговоры, сплевывая сквозь потемневшие от чифиря зубы и раскидывая веерами татуированные пальцы.

Нет уж, до поры до времени от незнакомцев лучше держаться подальше, решил Егорыч, ступая между деревьями бесшумными шагами бывалого охотника. А вдруг это беглые эки, переодетые в форму убитых конвоиров? В таком случае они мигом порешат Егорыча на месте, особенно если проведуют, что конвой вызвал именно он. Вот и мобильный телефон, выданный начальником зоны, в кармане телогрейки болтается. А в телефоне том номерок дежурного небось сохранился. Сам Егорыч журнал звонков очистить был не способен, зато эти молодые мордвороты, вооруженные «калашами», явно умеют обращаться с современной техникой. Как говорится, молодые, да ранние.

Ранние, да неудале...

Прячась за вековыми стволами и зарослями папоротника, Егорыч шел вровень с пришлыми парнями, прислушиваясь к их репликам. Говорили они, правда, мало, ограничиваясь матюками да междометиями. Видать, выдохлись, покуда добрались до места, названного Егорычем. Три версты на северо-запад от Гнилой пади, но так сюда от зоны еще дотопать надо. Напрямик, через буреломы и буераки. Все ж таки дотопали. Ежели, конечно, эти трое присланы «кумом», а не шастают по округе по своим темным разбойничьим делишкам.

Через пару минут они замедлили шаг.

– Кажись, здесь, – пропыхтел парень в редком для этих мест черно-сером камуфляже. Остальные двое носили зеленое с бурым, что больше подходило для маскировки в тайге.

– Крестись, Зайцев, если кажется, – буркнул рослый здоровяк, в котором сразу угадывался старший.

Погоны он не носил, а нашивок издали Егорыч не видел, но уже почти на все сто был уверен, что перед ним офицер. Скорее лейтенант, чем капитан. Уж больно молод для капитана. Молоко на губах частично обсохло, но еще не вполне.

– Точно здесь, товарищ лейтенант, – звонко доложил третий вояка, первым сунувшийся на поляну. – Кровищи-то, кровищи!

Что-то детское было в его голосе. Обрадовался, как малец, наткнувшийся на грибное место.

– Без тебя вижу, Сидоркин, – огрызнулся лейтенант. – Только еще пока неизвестно, чья это кровь. Может, птичья, а может, звериная.

Сказав эти слова, он прикусил язык. Понять его было можно. Егорыч и сам оторопел, когда впервые попал на эту поляну со взрытым, щедро пропаханным медвежьими когтями дерном. Кусты вокруг были помяты и измочалены, но взгляд останавливался не на них. Приковывали его истерзанные останки человеческого тела, облепленные багровыми лоскутами и таежным гнусом. Насосавшиеся крови комары не взлетели при появлении людей. Отяжелели так, что крылышки их не держали.

– Матьер божья, – пролепетал Зайцев, держась за горло обеими руками. – Да он же бе... бе... без башки...

– Это кто ж его так? – прохрипел в свою очередь лейтенант, фамилия которого была, кстати говоря, для здешних краев вполне уместная – Кедрин.

– И куда остальное подевалось? – подал голос Сидоркин, не отваживаясь сделать хотя бы шаг вперед. – Ноги там... руки...

– У хозяина в брюхе, – пояснил Егорыч, выступая из укрытия с двустволкой на ремне. – Или в заначке его.

– В чьей заначке? – недоуменно спросил лейтенант, повернувшись к приближающемуся охотнику.

– Известно в чьей. В хозяйской, – откликнулся Егорыч.

– А хозяин кто?

– Косолапый, кто же еще. Медведь, значит. Здоровенный. С корову в холке будет. Я следы замерил – ахнул.

Охранники зоны – а в том, что это были именно они, сомневаться уже не приходилось – одновременно уставились на громадные медвежьи следы вокруг окровавленной жертвы. Так же синхронно их головы завертели по сторонам, а уши насторожились, пытаясь уловить подозрительные звуки. Никому из троих еще не доводилось сталкиваться с медведем нос к носу, однако всяких баек они наслушались предостаточно.

Вообще-то медведи почти никогда не нападают на людей первыми, тем более летом, но изуродованный труп на поляне свидетельствовал о том, что у всякого правила бывают исключения. Видать, порезвился здесь матерый шатун, уже попробовавший однажды человечины, а потому вдвойне опасный. От такого не убежишь – он при желании и сохатого догонит, и даже

лошадь. Махнет лапой – хребет пополам. А в придачу к этому когти у медведя размером с кинжалы. Лютый зверюга.

– Поставить переводчик огня оружия на стрельбу одиночными выстрелами, – скомандовал Кедрин. – В случае чего бить прицельно, желательно в сердце. Близо не подпускать.

– Да он и не подойдет теперь близко, – подал голос Егорыч, отплевываясь от мошкары. – Убег. Видать, раненый был. Или разозлил его кто-то крепко. Вот и осерчал. Отыгрался на бедолаге – и в лес. Ищи-свищи.

Сидоркин покосился на окровавленные останки.

– А чего не слопал этого без остатка? Свежатины все ж таки.

– Медведь, он часто так, – охотно пояснил Егорыч. – Конечности оторвет, а тулово бросит. Брезгует человечинной. Разве что кости погрызет потехи ради. Или голову по земле погоняет на манер мяча.

– Мяча, – машинально повторил Зайцев, повернулся на каблуках и пошел в кусты блевать.

– Отставить! – рявкнул лейтенант Кедрин.

На подчиненного окрик не подействовал. Он обессиленно опустился на колени, по-бабьи всхлипнул и задергался в рвотных судорогах.

– Это ничего, – вступился за него Егорыч. – Не по пьяни ведь.

– А он и по пьяни то же самое устраивает, – заложил товарища Сидоркин, имевший вид весьма бледный, но крепившийся изо всех сил.

– Заткнись, – велел ему Кедрин. – А ты, Зайцев, если не прекратишь этот цирк, отправишься нести службу в мертвецкую. Там тебе нервишки живо поправят.

Сам он уже вполне овладел собой и окидывал Егорыча пытливым взглядом.

– Здрасьте, – вежливо поздоровался охотник.

– Ты, надо полагать, тот самый знаменитый Евграфыч?

– С утра был Егорычем.

– Ну да, Егорыч. Ты по поляне больше не топчись, Егорыч. Место преступления как-никак.

– Какое ж это преступление? Мишке человечьи законы не писаны. Он по своим живет. Хозяин.

– Ладно, не до философии мне, – сказал Кедрин. – Помалкивай в тряпочку и не суйся, куда тебя не просят.

– В тряпочку так в тряпочку, – оскорбился Егорыч. – Я и уйти могу.

– Не можешь. Нам свидетельские показания нужны.

– А я возьму и не дам.

Кедрин Егорыча не слушал. Деловито присматривался к тому, что не так давно являлось венцом творения, царем природы, человеком. Нужно было составить протокол, отщелкать снимки, зарисовать план местности, взять пробы крови, образцы одежды. Работенка была малоприятная, но Кедрин постепенно втянулся. И лишь сделав пару весьма впечатляющих фотографий, он озадаченно поскреб затылок и принялся озираться по сторонам, словно выискивая что-то. Или кого-то.

– Стоп, – сказал он. – А где... этот?

– Медведь? – спросил свистящим шепотом Зайцев и взял на изготовку автомат.

– Говорят же вам, ушел давно, – успокоил их Егорыч, не умевший обижаться дольше пяти минут. – Чего ему теперь тут делать?

– Второй, – пояснил Кедрин, страдальчески морща лоб. – Я про второго толкую, батя. Они же на пару бежали, твари. Если это, допустим, Роцин, – он ткнул пальцем в останки, – то где же тогда Рогачев? А если это Рогачев, то куда, бляха-муха, Роцин подевался?

– Не ведаю, – пожал плечами Егорыч. – Я только одного здесь обнаружил. О чем и доложил куда следует.

Сидоркин досадливо крякнул. Зайцев ограничился тем, что шмыгнул носом. Кедрин снова принялся чесать затылок.

– Но нам двоих приказано доставить, – упрямо произнес он. – Живыми или мертвыми. А у нас только один жмур... – В подтверждение сказанному он продемонстрировал указательный палец, под ногтем которого багровела запекшаяся кровь. – Один, а не два. Это непорядок, так не годится.

Это и в самом деле никуда не годилось. На послезавтра у лейтенанта Кедрина был запланирован отъезд в дальние края – на юга, как говаривал Шукшин в фильме «Печки-лавочки». Супруга уже собрала вещи и буквально сидела на чемоданах, предвкушая сказочный отдых на побережье Анталы. Обильная жратва, бесплатные напитки, фрукты, обходительный персонал, шезлонги у бассейна с небесно-голубой водой. По вечерам, вдосталь нахлебавшись дармового турецкого пива, Кедрины заваливались бы в чистую постель и трахались бы там до полного изнеможения. Это вам не полуторная койка с провисшей сеткой, не кухонный стол и даже не бушлаты, заботливо расстеленные на полу. Евросекс со всеми удобствами. Хочешь – на спине, хочешь – на животе, хочешь – на боку или вообще кренделем с двойным вывертом. Жена у Кедрина была еще очень даже ничего, в чем он убедился, когда она примеряла купальники. Один закрытый, другой открытый, с зажеванной тесемочкой между ягодицами...

«Вот тебе и мини-бикини, – мрачно подумал Кедрин. – Вот тебе и оллинклюзив с трансферингом».

Было ясно, что ни в какую Турцию он не поедет, пока не предоставит начальству доказательства того, что Рогачев и Рошин погибли на пару. А где их взять? Родить? Так ведь не получится. А это что значит? Это значит, что супруга озлобится и перестанет дарить Кедрину радости секса.

Кедрин перевел потускневший взгляд на Егорыча.

– Слушай, отец, а тут поблизости больше ничего подозрительного не валяется? Мне нужны два трупа. – Он выставил растопыренные пальцы.

– Где ж их взять? – Старик виновато развел руками. – Был бы второй, я бы непременно обнаружил. Но, видать, второй фартовый оказался. Утек, покуда мишка с его корешем разбирался.

Внезапно лейтенанту подумалось, что лучше бы медведь задрал обоих, а еще лучше, чтобы он, Егорыч, не совался сюда, а бродил с ружьишкой где-нибудь от греха подальше. Как-то нескладно все получалось. Неправильно.

– Плохо дело, – пробормотал Кедрин. – Это ж фартового теперь искать надо, это ж сидеть безвылазно в тайге и кормить комаров, вместо того чтобы загорать на Средиземном море.

– Каком-каком море? – переспросил Егорыч.

– Да хоть на каком. – Кедрин присел возле изглоданного трупа. – Суть не в этом, отец.

– А в чем?

Сидоркин с Зайцевым тоже насторожили уши, желая знать, что имеет в виду их командир.

Кедрин сплюнул, выпрямляясь во весь рост.

– Суть в том, что из одного жмура двух не слепишь. Группа крови, волосистой покров, то да се... Начнут сверять, обнаружат подлог, себе же дороже выйдет. А у меня билеты. И путевки... или как их там? Ваучеры. Немалых денег стоят.

– Ну да, – согласился Егорыч, не вполне понимая, о чем толкует ему этот лейтенант, лицо которого неожиданно потемнело, словно небо перед грозой.

– Вот если бы два трупа, – гнул свое Кедрин, не глядя на собеседника. – Хотя бы кусочек второго. Ступня, пальцы... Обязательно прокатило бы. С экспертизой ведь никто особо

усердствовать не станет. Двое сбежали, двоих медведь съел. Всем хорошо, все довольны. Верно говорю, бойцы?

Сидоркин, глаза которого округлились и увеличились в размере чуть ли не вдвое, машинально кивнул. Зайцев растерянно пожал плечами.

– Верно, – вздохнул Кедрин, и Егорыч внезапно обнаружил, что кобура лейтенанта уже расстегнута, а правая рука его нащупывает рукоять пистолета.

– Э, – предостерегающе крикнул Егорыч, безуспешно пытаясь сорвать ружье с плеча. – Э! Ты что это удумал?

– Извини, отец.

Кедрин поднял пистолет, сдвинул большим пальцем предохранитель и нажал на спусковой крючок.

Бах! Левая сторона стариковской стеганки задымилась, из отверстия полетели клочья ваты. Приседая на ослабших ногах, Егорыч отступил на два шага, затем шагнул вперед и упал лицом вниз, так и не успев взять в руки двустволку.

Кедрин зачем-то подул на ствол, спрятал пистолет и взглянул на онемевших подчиненных, один из которых был явно готов грохнуться в обморок. Разумеется, это был Зайцев. Кисейная барышня какая-то, а не защитник отечества.

– Чего вылупились? – разъярился Кедрин. – За работу, живо! Пулю выковырять, старикана схоронить, чтобы ни одна собака не нашла. Но сперва что-нибудь отчекрыжьте у него. Сойдет за медвежьих объедки. Я доходчиво выражаюсь?

Пошатнувшись, Зайцев попытался сесть на землю, но Сидоркин ему не позволил.

– Ты что же, падла, – прошипел он в ухо товарищу, – думаешь, я за тебя всю работу сделаю? А вот хрен тебе. – Он яростно встряхнул белого как мел Сидоркина. – Доставай нож. Нож доставай, тебе говорят!

– Вот таким макаром, – произнес Кедрин и тоскливо посмотрел на далекое небо, на котором, кроме облаков, ничего не наблюдалось.

Глава 2

Былое и думы

Под конец разминки Константин сделал пару сальто, прошелся по комнате на руках и еще пару десятков раз отжался от пола. Мышцы работали, как поршни, дыхание ни разу не сбилось, все движения были точны и выверены до миллиметра. Красота! Приятно, когда твой организм выполняет команды с четкостью отлаженного механизма.

Прислушиваясь к своим ощущениям, Константин отправился в ванную комнату, стянул трусы, встал под тугие струи душа и принялся подкручивать то синий кран, то красный, побряхтывая от удовольствия. Контрасты – это здорово. Вся жизнь построена на них.

Прополоскав рот, Костя выпустил струю воды и вооружился жесткой, как наждак, мочалкой. В здоровом теле здоровый дух – а оно, тело, вибрировало от распирающей его силы.

Вот уже полгода Константин не позволял себе ни грамма спиртного, ни сигаретной затяжки, зато регулярно качался, бегал, плавал, осваивал кое-какие приемы восточных единоборств и, насколько это было возможно, восстанавливал боксерские навыки, приобретенные в далекой юности.

Теперь ему было двадцать семь, и он не собирался дожидаться возраста Христа, чтобы исполнить свою миссию. Он спешил... Однако же спешил не до такой степени, чтобы взяться за дело, прежде чем обретет безукоризненную физическую форму. Сегодня срок тренировок закончился. Сегодня начинался его личный крестовый поход. Звонок сделан, время и место встречи назначено. Что дальше? Жизнь покажет. Или смерть?

Растершись полотенцем, Константин оделся и направился напрямик на кухню, чтобы проглотить свой неизменный литр свежего деревенского молока и порцию овсянки с душистым майским медом. Режим. Не такой строгий, как в местах не столь отдаленных, но тем не менее обязательный к исполнению.

Когда он заканчивал завтрак, на кухню подтянулся хозяин квартиры, дядя Ваня. Родственником Константину он не приходился и вообще оскорбился бы, узнай, что постоялец называет его за глаза дядей, да еще Ваней. Сам он величал себя Иваном Леонидовичем. Как в добрые старые времена. Было ему далеко за шестьдесят, имел он профессорское звание и годы научной деятельности за плечами. Если бы не алкоголизм, ходил бы ему в руководителях какого-нибудь научно-исследовательского института, сиживать в президиумах на всевозможных конференциях, строчить монографии и почивать на профессорских лаврах. Однако, на беду Ивана Леонидовича, супруга бросила его во время очередного запоя, и с тех пор покати́лся он по наклонной плоскости, незаметно для себя превратившись в дядю Ваню. Сдавал пару свободных комнат за триста долларов в месяц, получал какую-то мизерную пенсию, в подпитии грозился тряхнуть стариной и ошеломить мировую общественность грандиозным научным трудом, а сам все пил и пил, не просыхая, уединившись в своей спальне. Все свободное пространство комнаты было завалено книгами, вот Иван Леонидович и копошился в них, словно седой книжный червь. То Александра Блока возьмется цитировать, то Пушкина, а то вообще Бердяева – и все переверт, напутает по пьяни.

Впрочем, Константина это мало волновало. Поэзию он не уважал, а к философам относился скептически. Если они такие умные, то почему ж до сих пор до истины совместными усилиями не докопались? Каждый свою линию гнет, каждый на себя одеяло тянет... Как те лебедь, рак и щука.

Узнай дядя Ваня про эти крамольные мысли, посещающие Константина, он бы враз потерял к нему уважение, а то и подыскал бы себе другого постояльца. Но Костя умел держать язык за зубами и скрывать свои чувства. Чему-чему, а этому в тюрьме обучаются быстро. Там

слово действительно не воробей – вылетит неосторожно, и попал. За одно только «доброе утро» можно запросто верхними нарами поплатиться, очутившись под койкой или у параша. Потому что ничего доброго в тюремном укладе нет и быть не может. А если ты так считаешь, то, выходит, либо издеваешься над сокамерниками, либо имеешь причины для тайной радости. А не подкармливают ли тебя с утраца шоколадом у начальника оперативной части? А не постукиваешь ли ты там, обрабатывая сухую колбаску и хлеб с маслицем?

Разумеется, на воле все было иначе, а дядя Ваня о тюремном прошлом Константина не догадывался.

– Доброе утро, Костя, – чинно поздоровался он и прошествовал к холодильнику, где под видом охлажденной кипяченой воды дожидалась его заветная похмельная доза. Теплая водка в его глотку с перепою не лезла, вот и приходилось охлаждать ее перед употреблением.

– Доброе утро, – откликнулся Константин, звякая посудой в раковине.

Ту, которой пользовался дядя Ваня, тоже приходилось драить, иначе в раковине образовалась бы целая башня из грязных тарелок. Он ведь, как человек интеллигентный, водку привык закусывать.

– Жарко, – пожаловался дядя Ваня, извлекая из холодильника пластиковую бутылочку из-под минералки. – Все время пить хочется.

Это Константин уже давно заметил. Кто пил вчера, тот пьет сегодня.

– А вы чайку, Иван Леонидович, – посоветовал он в тысячный, наверное, раз.

– Какой чай в такую жару? – ужаснулся дядя Ваня, наполняя чашку ядовитым пойлом. В кухне резко запахло алкоголем и ацетоном.

– Но в Азии ведь пьют чай. Нахлобучат меховые шапки, напялят стеганые халаты – и хлебают с восхода до заката.

– Мы не в Азии.

В подтверждение своих слов дядя Ваня влил в себя водку, и его помятое лицо ненадолго разгладилось, просветлело. Стали не так заметны набрякшие мешки под глазами, розовые прожилки на щеках, кое-как выбритая шея, вызывающая ассоциации с плохо ощипанной курицей. Если не особо приглядываться и принюхиваться, то можно было отыскать в нем сходство с классическим рассеянным ученым из приключенческих фильмов. Седой, растрепанный, долговязый – эдакий состарившийся Паганель с головой, набитой самыми разнообразными сведениями и фактами.

– А съем-ка я, пожалуй, помидорчик, – объявил дядя Ваня и немедленно сунул томат в рот, кадая себе на грудь розовым соком.

Помидорчик, естественно, принадлежал не ему, но дядя Ваня подобными мелочами себе голову не забивал, а потому сказать спасибо не удосужился.

«Будем считать это рассеянностью», – решил Константин, отмывая сковородку, заляпанную яичницей. Была она оранжевой, значит, готовилась из домашних яиц, купленных Константином.

– А знаешь ли ты, Костя, как попали помидоры в Россию? – осведомился дядя Ваня, вытирая влажный подбородок.

– Из Америки завезли, – ответил Константин. – Вы рассказывали.

– Правда? Странно... И про то, как их сперва ядовитыми считали?

– И про это тоже, дя... Иван Леонидович.

– Полезный овощ, богатый витаминами, – сказал дядя Ваня. – И жажду утоляет, но не очень. Вода в этом смысле значительно эффективнее. – Он вновь наполнил чашку. – Разумеется, кипяченая, не из-под крана.

Водрузив сковородку на плиту, Константин взялся за кастрюлю, облепленную мучной слизью и кусочками теста. В ней, несомненно, варились пельмени. Магазинные, само собой. Те, которые ни одна кошка есть не станет.

– Кажется, полегчало, – решил дядя Ваня, наливая в опустошенную бутылочку воды из чайника. – Пусть охлаждается.

– На случай жажды, – кивнул Константин.

– А как же! Обезвоживание организма смертельно опасно. Тепловой удар гарантирован. А в моем возрасте необходимо заботиться о здоровье. Жара-то какая стоит. Аномальная, ну просто аномальная, – провозгласил дядя Ваня, сверившись с показателями уличного термометра. – А плюс к этому парниковый эффект. Загубили экологию, деятели. И Киотский протокол им не указ... Как вы относитесь к Киотскому протоколу, Костя?

– Сдержанно, – нашелся с ответом Константин и поспешил ретироваться из кухни.

Чего ему хотелось сейчас меньше всего, так это вести ученые диспуты. День выдался ответственный; требовалось сосредоточиться, чтобы контролировать каждый свой жест, каждый импульс, каждое слово. Предоставив дяде Ване возможность опохмеляться до посинения, Константин быстренько оделся и выскользнул из квартиры.

Хоть и прокантовался он в ней полгода, а квартира по-прежнему оставалась чужой. Собственной у Константина не было. Все свое он носил с собой, на сердце. В груди, где, как говорят, обитает бессмертная человеческая душа.

Старушки, сидевшие на скамейке возле подъезда, встретили Костю любопытными, но вполне благожелательными взглядами – успели по привычке к жутковатой наружности соседа. Пара жильцов, с которыми он столкнулся во дворе, тоже не обратили на него особого внимания. А вот на улице, пока Константин пересекал проезжую часть, чтобы уединиться в сквере, началось. Незнакомые люди либо откровенно пялились на него, либо, взглянув мельком, опускали глаза и торопились уступить дорогу.

Константин их не винил. Он и сам не сразу привык к своему новому облику. В свои двадцать семь лет седой как лунь – это раз. Во-вторых, с напрочь изуродованной левой стороной лица. Ну и общее выражение покореженной физиономии, манера держаться, жесткий взгляд. Одним словом, с такой внешностью, как у Константина, надеяться на симпатию окружающих не приходилось. Он и не надеялся. Плевать ему было на симпатию. Во всяком случае, так он твердил себе на протяжении минувшего года: плевать, плевать, плевать!

Твердил то же самое и теперь, машинально, в такт шагам по разогретому асфальту. На встречах не глядел, к шикарным иномаркам не приглядывался. Существовал, будто узник в одиночной камере. А что? Подходящее сравнение. Приговоренных к смертной казни содержат именно в одиночках, а разве люди не обречены умереть в конце отведенного срока? Все смертны, и никуда от этого не деться. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Не раз и не два дядя Ваня заводил с Константином разговоры на возвышенные темы о бессмертной человеческой душе. Перерождение, карма – все это звучало красиво, да только верилось в это с трудом. На кой хрен бессмертная душа тому же дяде Ване? Водку хлестать в новых воплощениях? А наркоманам? А игроманам? А телеманьякам? А прочей публике, тупо вкальвающей всю жизнь лишь для того, чтобы приобрести тачку в кредит да ездить на ней греть пузо с упаковкой пива под рукой? Нет, господа мистики, шалите. Чтобы душа бессмертной стала, нужно сперва эту душу занять, выпестовать ее, закалить, выкристаллизовать. Вот тогда и перерождайтесь сколько влезет. Иначе – на переработку, как не имеющие ценности отходы.

Расслабленно опустившись на скамью, стоящую на отшибе, подальше от людских глаз, Константин велел себе отбросить посторонние мысли и сосредоточиться на главном. Почему-то это сегодня плохо получалось. Внимание постоянно переключалось то на воробьев, беззаботно чирикающих на деревьях, то на проходящих мимо девушек, среди которых попадались очень даже симпатичные особы, свободный доступ к которым был для Константина заказан навсегда. Его удел – иметь дело с проститутками, не обращающими внимания на внешность клиента. Или проводить время в полном одиночестве, вынашивая планы возмездия.

– Что уставилась? – спросил он у кошки, замершей напротив скамьи. – Нравлюсь?

Кошка не ответила, продолжая пялиться на Константина круглыми немигающими глазами. Белоснежная, с черной мордочкой, она даже в неподвижности своей умудрялась оставаться грациозной.

– А ты мне нравишься, – пробормотал Константин. – Мы с тобой одной крови, ты и я, верно? Гуляем сами по себе, терпеть не можем собак и запросто обходимся без хозяев. Правильно я говорю?

Кошка брезгливо тряхнула передней лапой и прошествовала дальше, игнорируя Константина. Может быть, и для нее он тоже являлся уродом?

Хм... Константин провел пальцами по длинным корявым шрамам, перечеркнувшим его лицо от корней волос до левой скулы. Их было три, хотя могло бы быть и четыре. Повезло? Еще как! Глаз чудом уцелел между страшными отметинами, да и голова сохранилась на плечах.

Когда полицейские спрашивали Константина, где его так покорежило, он молча доставал удостоверение сотрудника МЧС. Оно было фальшивым, как и прочие документы Константина Игоревича Зорина, но липовые документы ничем не отличались от настоящих. Изготавливали-то их специалисты, официально работающие на государство, изготавливали на соответствующем оборудовании, со знанием дела. Другое дело, что подобный товар спускался налево за большие деньги, а их Константин не пожалел. Три тысячи долларов, и появился на свет Константин Зорин – без всяких реинкарнаций и прочей хиромантии.

Его прежняя фамилия – Рощин – осталась в прошлом. Там же осталось многое другое, за исключением характера и жажды поквитаться с братьями Мотылями. Из-за них вся жизнь Константина пошла кувырком, и он не собирался прощать братьям подлости, которую они совершили. Слишком дорого она ему обошлась, чтобы предать ту историю забвению. Христос, он, может быть, и подставил бы обидчикам вторую щеку. Правую, мысленно уточнил Константин, машинально трогая левую. По ней он уже схлопотал. Так, что мало ему не казалось...

А начиналось все славно. Он, здоровый, сообразительный и перспективный парень, отслуживший в армейском спецназе, был счастлив, устроившись охранником к братьям Мотылям. Мотыля № 1 величали Сергеем Викторовичем, он был высок и представительен, носил пшеничного цвета челку, падающую на лоб, имел розоватые, как у сенбернара, глаза и круглое, белое, напоминающее плохо пропеченный блин, лицо. Мотыль № 2 звался Александром Викторовичем, был ниже ростом, но зато в два раза превосходил брата в объёме и страдал в равной степени от ожорства и одышки.

В ту пору Мотыли являлись не просто братьями, но и партнерами по бизнесу, появлялись повсюду вдвоем и решали вопросы коллегиально. Насколько было известно Константину, в последние годы их деловое партнерство сохранялось лишь номинально. Сергей Викторович тянул одеяло на себя, Александр Викторович – на себя, и было ясно, что рано или поздно это закончится либо ссорой, либо братоубийством, либо тем и другим поочередно. Но Константин не собирался отсиживаться в стороне, пока это произойдет. Образно выражаясь, он жаждал крови.

О, как доверял он всеильным братьям Мотылям, когда те пели про непрошибаемую «крышу», которую им якобы давали серьезные дяди из ФСБ! «Ты, главное, не парься, – пыхтел Александр Викторович, подписывая приказ о назначении Константина заместителем начальника службы безопасности братской фирмы «Интеринвест». – У нас все схвачено. Делай, что тебе говорят, и не думай о последствиях. Это наши проблемы».

«Если что, – гудел Константину в другое ухо Сергей Викторович, – мы тебя всегда вытащим, всегда отмажем. Разрешение на ношение оружия получишь недельки через две, а пока пусть тебя это не колышет. Выполняй приказы и не бери дурного в голову. Мы все – одна семья. Тебя никто в обиду не даст».

С пистолетом под мышкой и с ключами от выданной ему по доверенности «Ауди» Константин чувствовал себя на седьмом небе. Он уважал Мотылей, ценил их доверие и знал, что не подведет. Глупый, романтический юнец, верящий в благородство, верность и честь... Ему и в голову не приходило, что в первую очередь братья Мотыли бандиты, а уж потом предприниматели. Что бизнес их легален лишь на страницах налоговых отчетов. Что сам Константин был не первым и даже не десятым заместителем начальника их службы безопасности. Что сам начальник отчего-то на «стрелки» не ездит и в разборках участия не принимает. А ведь времена были лихие, трудные, кровавые... То Мотыли наезжали на кого-то, стремясь прибрать к рукам железнодорожный вокзал вместе с прилегающим рынком. То щемили их самих, претендуя на спорткомплекс «Олимпийский» или на одноименный отель в центре города. Кого-то расстреливали из автоматов, кого-то резали, кто-то подрывался на гранате. Лакомых кусков оставалось все меньше, тогда как желающих прибрать их к рукам становилось все больше. Летели головы, тасовалась собственность, бандитские бригады в полном составе отправлялись за решетку, а Константин... Свято веруя в фээсбэшную «крышу» и порядочность Мотылей, он исполнял то, что считал своим долгом.

Он честно отработывал свой хлеб и не подвел Александра Викторовича, когда однажды тот подвергся нападению в своем подъезде. Нападающих было трое: один дожидался толстого Мотыля на лестничной площадке возле лифта, а двое других страховали его пролетом выше и ниже. Первого вырубил подчиненный Константина, молодой кикбоксер Леха, обладавший отличной реакцией. В следующую секунду его череп разнесло пулей, прилетевшей сверху. Стену забрызгало красным, как будто банку клубничного варенья об нее шмякнули. «Ой», – успел произнести Леха, прежде чем упал замертво.

Стрелок, находившийся наверху, высунулся снова, чтобы пристрелить Константина. На голове у него была вязаная шапочка с прорезями для глаз. Вероятно, она перекосилась от резких движений, помешав сделать прицельный выстрел. Пуля выломала из стены кусок штукатурки и ушла в сторону, жужжа, как металлическая муха. Константин вскинул ствол и выстрелил практически наугад. Ему повезло. Стрелка отбросило назад, словно его дернули за невидимую леску. Ударившись головой о батарею парового отопления, он сполз на пол и остался сидеть там в позе внезапно отрубившегося пьянчужки.

Не теряя времени, Константин очертя голову ринулся вниз, на звук передергиваемого затвора. Второй стрелок оказался таким же незадачливым, как и первый. То ли затвор у него переклинило, то ли обойма оказалась пустая. Вникать в эти подробности Константин не стал. Направил на киллера ствол и дважды выстрелил ему в живот.

Бац! Бац! Вздрагивая, как от ударов лома, противник выронил пистолет. Ощущая абсолютное спокойствие, Константин добил его одним выстрелом в лоб. Затем, действуя как робот, он вернулся на лестничную площадку, чтобы всадить несколько пуль в голову первого, того, который караулил у лифта. О том, чтобы взять киллера в плен, он даже не думал. Уж очень было жаль Леху, мозги которого растекались по пыльному кафелю. Хороший был боец. Надежный, исполнительный, расторопный.

– Это тебе за Леху, падла, – произнес Константин, разряжая обойму. – Такого парня угрохали ни за что ни про что.

Все это время Александр Викторович просидел на полу кабинки лифта, поскуливая от страха. Под ним растекалась лужа, а его вытянутые ноги не позволяли дверным створкам сомкнуться.

Створки съезжались и разъезжались, производя монотонный, раздражающий звук. Константин не сразу расслышал, что говорит ему обмочившийся шеф.

– Не... – лепетал он, умоляюще глядя на Константина, – не... не бросай меня.

Просил, а сам не верил в спасение. Боялся, что его минуты сочтены. Еще обделается от страха, подумал Константин. И протянул руку.

– Я вас не брошу, Александр Викторович. Давайте я помогу вам подняться. Все позади. Не бойтесь.

– Кто они? – страдальчески спрашивал Мотыль, пока Константин вел его через задымленную площадку. – Сколько их было?

А на Леху даже не глянул, отметил про себя Константин. Перешагнул, как через кучу мусора. Хоть бы спасибо сказал.

– Трое их было, Александр Викторович, – сказал он. – Все готовы, а кто такие – хрен их разберет. Колпаки на хари натянули, конспираторы... Подождем, пока опознают. На вашем месте я бы немедленно известил ваших людей из ФСБ, а то соседи наверняка уже ментовку вызвали. – Константин заботливо прислонил жирное тело Мотыля к стенке возле двери квартиры. – Нам ведь не нужны осложнения?

– Не нужны, – с готовностью согласился Александр Викторович. – У нас и без ментовки головняка хватает.

Открылась дверь, в подъезд выглянула жена Мотыля Людмила, лицо которой было накрепленным или щедро напудренным, как у японской гейши.

– Саша, – тоненько воскликнула она, – что случилось, Саша? Ты пьян?

– Меня только что чуть не завалили, – плаксиво пожаловался Александр Викторович. – Засаду, пляди, устроили. Ну ничего, я им это припомню. Они у меня попляшут. – Он оттолкнул поддерживающего его Константина. – Ладно, дальше я сам. А ты домой ступай. Сиди, не рыпайся, пока не понадобится.

Понадобился Константин очень скоро. И часу не прошло, как в родительский дом нагрянули резвые ребята из убойного отдела. Ночь провел он в КПЗ, а утром повели его на допрос, в ходе которого выяснилось, что Мотыли его на работу не принимали, оружие ему не выдавали и понятия не имеют, каким ветром его занесло в злополучный подъезд.

Оправдания Константина вызывали лишь саркастические ухмылки. Правда, просьбу связаться с шефом следаки удовлетворили, но Александр Викторович прикинулся, что никакого Рощина не знает, а Сергей Викторович вообще послал его на три буквы.

Попал, понял Константин. Братья предали его, сдали милиции, чтобы не отвечать на разные неудобные для себя вопросы. Плевать им было на Константина. Для них он был разменной пешкой, которую небрежно смахнули с доски.

Так угодил Константин за решетку, еще не вполне веря в то, что его вот так запросто кинули, отдав на съедение следакам из милиции и прокуратуры. Он все ждал, когда его вызволят, все надеялся, что Мотыли и ФСБ разыгрывают какую-то хитрую многоходовую комбинацию.

Но чуда не произошло. Записали Константина в киллеры, отдали его под суд, а там получил он срок, такой огромный, что никак не получалось перевести все эти годы в дни, потому что никакая таблица умножения не годилась для подобных подсчетов. Арифметика вообще имеет очень мало общего с жизнью. Тем более с жизнью в неволе.

Следственный изолятор, тюрьма, зона – все это походило на круги ада, описанные Данте. Только ничего поэтического в этом не было. Вонючая баланда, жесткие нары, тюремные подковырки, понятия, разборки и – насилие, насилие, насилие...

Выживал сильнейший. Константин выжил. Но если бы не жажда мщения, он не смог бы сказать, зачем.

Глава 3

Просто Мария

Вынырнув из тягостных воспоминаний, Константин не сразу сообразил, что видит перед собой очень красивую загорелую женщину лет тридцати. Одета в простой, но изящный льняной белый сарафан, обутая в белые же туфли на невысоких каблуках, она стояла напротив, выжидательно глядя на Константина.

«Как та кошка, – отметил он про себя. – Сейчас состроит брезгливую мину и отправится дальше».

Но женщина не уходила. Стояла на месте, давая возможность оценить себя по достоинству.

Роста выше среднего, брюнетка, блестящие волосы гладко зачесаны назад и собраны там в подобие конского хвоста. Глаза скрыты солнцезащитными очками, губы накрашены ярко-красной помадой, в ушах сверкающие висюльки, на шее еще какие-то цапки.

«Хороша, – отметил про себя Константин, стараясь не разглядывать фигуру незнакомки, показавшуюся ему весьма привлекательной. – Но какого черта она на меня вылупилась? Хочет пригласить на роль Квазимодо? Так у меня, слава богу, горба нет».

Женщина сдвинула очки на лоб, посмотрела на Константина прямо и открыто, после чего улыбнулась и, нарушая затянувшуюся паузу, проговорила:

– А у вас красивые глаза. Такие зеленые...

Константин, давно свыкшийся с цветными линзами, которые был вынужден носить для маскировки, пожал плечами:

– Лягушки тоже зеленые, но вы ведь не считаете их от этого красивыми, верно?

Низкий грудной смех женщины вывел Константина из равновесия. Он вдруг разозлился. На себя, на эту непосредственную дамочку, на судьбу, сведшую их лишь для мимолетного уличного трепа. Кто она ему и кто он ей? Какое ей дело до его глаз, а ему – до ее манящей груди, крутых бедер и загорелых, точно лакированных ног, примагничивающих взгляд?

– Повеселились? – грубо спросил Константин. – А теперь ступайте своей дорогой. Здесь вам не цирк.

– Не цирк, – спокойно согласилась незнакомка, возвращая очки на прежнее место. – И вы не клоун. Извините, если я вас невольно обидела.

– Невольно обидела?.. Это из какого романа? Книжки любите читать?

– Не очень. И все равно извините.

– Проехали, – проворчал Константин, наклонившись вперед, чтобы встать и отправиться восвояси.

Собственные ноги его не слушались. Не хотелось никуда уходить отсюда. А пока Константин пытался совладать с ногами, незнакомка сделала два грациозных шага вперед и как ни в чем не бывало опустилась на скамью рядом. Сумку она положила слева от себя. Таким образом, Константина ничто от нее не отделяло. Кроме инстинктивного недоверия и горького жизненного опыта.

– Не возражаете? – осведомилась незнакомка, улыбаясь.

«Возражаю!» – вертелось на языке у Константина.

– Да нет, в общем-то, – пробормотал он. – Тем более что уже поздно.

– А это моя излюбленная стратегия. Когда ставишь мужчин перед свершившимся фактом, они как-то сразу сникают.

– А женщины?

– Женщинам на факты – тьфу! Мы иначе устроены.

– Это как?

– Ну, вы судите о нас по себе. Словно имеете дело с себе подобными, только без щетины, без волосяного покрова и с всевозможными любопытными приспособлениями.

«Приспособлениями?» – изумился Константин, а в следующую секунду смутился и покраснел так, что его уродливые шрамы сделались еще более заметными. Как назло, незнакомка расположилась слева от него, а пересаживаться было глупо.

– В этом-то и кроется ваша основная ошибка, – продолжала женщина, словно не замечая напряженной позы собеседника. – Вы не сознаете, что имеете дело с абсолютно другими существами.

– А вы, значит, сознаете?

– Еще как! Мы такие разные, и цели у нас тоже разные. Вот и приходится вас приручать. Одомашнивать, так сказать.

– Я дикий и предпочитаю таковым оставаться.

– Это заметно.

– И дрессировке не поддаюсь.

– Потому что дрессировщица пока не подвернулась.

Константин не нашелся что ответить на это. Голова у него пошла кругом. Скорее всего, виной тому была парфюмерия, которой пользовалась собеседница. Чистый опиум, а не духи. Коварное оружие, которое следовало бы запретить, чтобы мужчины и женщины играли на равных. Если, конечно, такое возможно в природе.

«Потому что приспособления у нас разные, – продолжил мысль Константин и покраснел еще сильнее. – Хоть бы отвернулась, дура, – сердито подумал он. – Знала бы ты, как я стесняюсь этих проклятых шрамов».

Его внутренний монолог был услышан.

– Кстати, самое время познакомиться, – произнесла незнакомка, глядя прямо перед собой. – Я Мария. Просто Мария, а не Маша, Машенька или Манечка. Если желаете избавиться от моего общества, назовите меня одним из этих уменьшительных имен, и вуаля. – Она сделала рукой выразительный прощальный жест. – Машенька пусть остается в сказке про медведя.

Медведя?

Константин вздрогнул. Ему моментально вспомнился побег. И душегубка, откуда он сорвался на пару с Рогачем. Тесная каморка, официально именуемая штрафным изолятором. Ее умышленно пристроили вплотную к котельной, чтобы мариновать там строптивых эков летом. На зиму таких определяли в карцер без отопления и стекол в оконных рамах, и новогодние праздники Константину довелось провести именно там. А через полгода он снова отклонил предложение «кума» о сотрудничестве, после чего отправился на тамошний «курорт».

Специальный режим, созданный для «курортников», действовал безотказно. Месяц, проведенный в душегубке, превращал эков в хронических гипертоников и сердечников. Покопившиеся возвращались в лагерь на общие работы, где автоматически переводились в ранг доходяг. Самые упрямые умирали от инфарктов и инсультов, за что ответственности, естественно, никто не нес. Константина не устраивал ни первый вариант, ни второй. Он хотел остаться самим собой. Когда бы то ни было и где бы то ни было.

Сокамерником его оказался амбал с приплюснутым, как у гориллы, носом и бритым черепом, покрытым многочисленными шрамами. Звали его Рогач. На Константина он посмотрел с недоброй ухмылкой, после чего снова раскинулся на полу, оставив немного свободного пространства у нагретой стены.

– Переступишь через копыта или грабли, убыю, – предупредил он таким тоном, будто речь шла о чем-то будничном. – Пожизненное мне так и так светит. Я на днях двух сявок красноперых замочил. Если станешь третьим, мне хуже не будет. Круче уже ничего не бывает, сечешь?

– Да, – коротко ответил Константин, опускаясь на корточки.

Через каких-нибудь тридцать минут голова у него раскальвалась от духоты, пот бежал по телу ручьями. Было страшно подумать о том, что ожидает его на протяжении десяти бесконечно длинных суток. Чтобы отвлечься, Константин принялся изучать надписи и рисунки, оставленные предшественниками на стенах. Доминировали изображения голых баб и половых органов. Традиционный мужской член с крылышками, шарообразные груди, волосатые вагины, выглядевшие так, как представлялось Константину в детстве.

Словесное творчество было более разнообразным. «Здесь я кормил мух, претерпел немало мук», – начертал некто, несомненно наделенный поэтическим даром. Другой стихотворец выцарапал четырехстрочное послание неизвестной женщине, обещая подарить ей звезду в обмен на то, что обычно со звездой рифмуется. Третий был лаконичен: «ПОЛПАЙКИ ЗА МИНЕТ».

Первобытные люди, подумал Константин, были куда ограниченнее. Рисовали своих мамонтов, а о крылатых членах и минетах даже не помышляли. Это значит, что баб у них было вдосталь, а жратвы в обрез. У кого что болит, тот о том и говорит.

На этом размышления оборвались, потому что Рогач соизволил снова обратить внимание на сокамерника.

– Ты ведь здесь тоже по мокрому делу? – поинтересовался он, не открывая глаз.

– Так в деле записано, – заученно ответил Константин.

Признаваться в совершенных преступлениях на зоне было не принято. Все тут называли себя оклеветанными и невинно осужденными. Рецидивисты, те открыто хвастались своими подвигами, а рядовые каторжане откровенничать не спешили. Своеобразный этикет позволял им отмалчиваться. Правда, в конечном итоге подноготная каждого вылезала наружу. За колючкой долго таиться невозможно. Здесь ты открыт как на ладони.

– Базарят, ты троих замочил? – спросил Рогач, почесывая причинное место.

– Сами нарвались, – буркнул Константин.

– Для начала неплохо, – одобрил Рогач. – Серьезная заява. Что ж в мастевые не подался? Западлю?

– Мне для начала шестерить предложили. Не мой профиль.

– А на левой груди пр-профиль Сталина-а, – неожиданно заорал Рогач, – а на правой Маринка-а-а-а, анфа-ас...

Ловко вскочив на ноги, он подошел к ведру, служившему парашей, и уселся на него верхом. Константин отвернулся. Один неосторожный взгляд в подобной ситуации расценивался как нездоровое любопытство.

– А ты, я вижу, парень с понятием, – хмыкнул Рогач после того, как издал несколько иных, нечленораздельных, но выразительных звуков.

Константин промолчал. Разговоры с сидящим на параше не возбранялись, но и не поощрялись. Возможно, Рогач пытался подловить Константина на какой-нибудь мелочи с далекоидущими последствиями. Осторожность и еще раз осторожность. Без нее на зоне – край.

Убедившись, что новый посиделец к болтовне не расположен, Рогач встал с ведра и вернулся на прежнее место. Лежа на спине, он занялся ловлей мух, носящихся по камере. Вскоре по полу ползало не менее дюжины цокотух с оборванными крыльями, а Рогач с маниакальной улыбкой следил за последней, благоразумно кружащейся под потолком. Его зрачки перемещались из стороны в сторону, повторяя виражи насекомого.

– Тебе она никого не напоминает? – спросил он.

– А тебе? – спросил в свою очередь Константин.

– Мне – да. Тебя.

Дождавшись, пока муха спикирует вниз, чтобы совершить бреющий полет над ведром с нечистотами, Рогач поймал ее молниеносным взмахом руки, зажал в кулаке и поднес к уху.

– Жужжит, что ни в чем не виновата, – доложил он, ухмыляясь. – Тебя за что в трюм опустили?

Очередная ловушка.

– Меня сюда доставили. – Константин особо выделил интонацией последнее слово. – Под конвоем.

– Ну доставили, – легко согласился Рогач. – Может, поручили узнать, что я да как? Так ты спрашивай, не стесняйся.

– Нечего мне у тебя спрашивать.

– А, так ты меня, типа, игнорируешь?

Оживившись, Рогач приподнялся с пола. Было слышно, как в его стиснутом кулаке надсадно зудит муха.

– Башка трещит, – сказал Константин, морщась. – Неохота мне разговаривать, Рогач. Вот тыловишь мух, и лови на здоровье. А меня не надо. Не подловишь.

– Грамотно излагаешь, – одобрил Рогач. – Только не поможет это тебе, Роша. Тебя ко мне не случайно определили. Я тут пораскинул мозгами и вычислил расклад, за какие такие грехи ты в ШИЗО загремел. А все просто. Кум тебя с умыслом ко мне подсадил. Либо для того, чтобы ты ко мне в доверие втерся, либо чтобы я тебя, как эту муху...

Неожиданно размахнувшись, Рогач шмякнул несчастную муху об стену. Взлететь она не успела. Упала на пол, шевеля лапками в агонии. Покосившись на нее, Константин опустил голову на поднятые колени.

– Видал? – угрожающе спросил Рогач.

– Видал, – пробормотал Константин.

– И что скажешь?

– Скажу, что с кумом дел не имею, а мухи мне до одного места.

– До какого? – вкрадчиво осведомился Рогач.

Сорвись у Кости неосторожное слово, и угодил бы он в расставленную ловушку. Но Рошин вовремя спохватился и ответил безразличным тоном:

– До мозоли на левой пятке.

– Опять проскочил, – признал Рогач. – Но рано или поздно я тебя достану.

– Там видно будет.

– А уже ничего не будет видно. Совсем. Не выйдешь ты отсюда, фраерок. Здесь твоя могила.

Константин понял, что Рогач не преувеличивает, когда стремящееся к зениту солнце разогрело железную крышу до такой степени, что карцер превратился в парилку. Даже раздевшись до трусов, было невозможно выдерживать адскую жару. А на обед дали пересоленное гороховое пюре с вымоченной в рассоле тюлькой. Рогач поковырял в своей миске и бросил. Константин последовал его примеру. Понаслышке он знал, что обитателей ШИЗО поят только раз в сутки, выдавая по пол-литровой кружке воды на брата. Это при том, что вместе с потом из организма выходило жидкости раза в два больше.

– Половину воды мне отдашь, – заявил Рогач вечером, когда загремели засовы дверного «намордника». – И скажи спасибо, что не всю забираю.

– Спасибо, – сказал Константин, принимая выданную кружку с червоточинами отбитой эмали. – Но я тебе ничего не должен. И ты у меня пока что ничего не забрал.

– Борзый? – удивился Рогач. – Люблю борзых. С ними не так скучно.

Заботливо определив свою кружку в угол камеры, он неожиданно хлестнул Константина по глазам кончиками пальцев. Боль была острая, невыносимая, а когда Константин проморгался и начал что-то различать сквозь слезы, его пустая кружка уже валялась на полу, а Рогач тянулся за своей собственной, удовлетворенно отдуваясь.

Вот когда он понял окончательно, что такое борьба за существование. Сдохни ты сегодня, а я завтра. Жестокий закон, примитивный. Однако предельно справедливый. Во всяком случае там, где не действуют никакие другие законы.

– О чем задумался? – поинтересовалась Мария, перешедшая на «ты» так просто, словно их знакомство продолжалось давно.

– Твое какое дело? – вызывающе произнес Константин.

– Хочу тебя понять.

– Зачем?

Этот вопрос Константин задал себе уже не раз, с тех пор как Мария под села к нему в сквере, однако ответа так и не нашел. Он редко смотрелся в зеркало, но отлично знал, что не тянет на красавца мужчину, которого украшают шрамы. И эта ранняя седина, будь она неладна... С ней Константин выглядел гораздо старше своих лет. Какого же черта нужно от него загорелой дамочке в белом? Острых ощущений ищет?

– Острых ощущений ищешь? – спросил он вслух. – Ошиблась адресом, Маша. Может, тебе лучше какого-нибудь черномазого подцепить? Или парочку дембельнувшихся солдатиков?

– Хотела бы – подцепила, – парировала Мария. – А «Машу» я тебе на первый раз прощаю. Но только на первый. Второго не будет.

– Чего ты добиваешься... – Немного поколебавшись, Константин добавил: – Мария?

– Да вот решила познакомиться, – просто ответила она.

– И все?

– Пока да.

– Тогда познакомились, – сказал Константин. – Только ты зря время теряешь, Мария. Баб я по кабакам и театрам не вожу, цветами с шоколадками их не заваливаю, украшений им не дарю.

– Знаешь, а ведь я мужикам – тоже. – Мария расхохоталась, запрокинув голову так, что ее черные волосы свесились через спинку скамьи. – Ни цветов, ха-ха, ни украшений. И в рестораны их не приглашаю. Так что в этом мы схожи. Между прочим, как тебя зовут?

Оборвав смех, она вопросительно посмотрела на Константина.

– Костя, – вырвалось у него. – Константин.

– Очень приятно, Костя. В принципе твое имя мне известно. Я давно за тобой наблюдаю.

– Да? – удивился он.

– Представь себе. Мы ведь в одном доме живем. Ты снимаешь квартиру в третьем подъезде. По утрам бегаешь и подтягиваешься на турнике. Сам ходишь на базар за деревенской снедью. Молоко, яйца, мед, мясо...

– Ты забыла про творог, – угрюмо произнес Константин, сердясь на себя.

Как же это он не заметил слезку? Хотя по большому счету слезкой это назвать нельзя. Женщины, как правило, всегда любознательнее мужчин. Вернее, любопытнее. А тут – молодой одинокий мужик, да еще непьющий в придачу. И некурящий...

«И с исполосованной мордой, – услужливо добавил внутренний голос. – И с седым ежиком волос. Нелюдимый и неласковый, как бирюк. Без собственной тачки и без внешнего лоска. Никак не принц на белом коне».

– Про творог баба Рая не говорила. – Мария обезоруживающе улыбнулась. – Это главная сплетница нашего двора. Все про всех знает.

– Что она еще обо мне знает? – спросил Константин.

– Да я не особо вникала. Привыкла сама составлять мнение о людях.

– И какого ты мнения обо мне?

– У тебя никого нет. Не пьешь и не куришь, чтобы держать себя в руках, потому что больше держать тебя некому. Наверняка воевал или что-то в этом роде. Денег не нажил, семью не завел.

– А ты?

– Я? – небрежно сказала Мария и повела плечами. – У меня есть очень богатый и влиятельный муж. Был тринадцатилетний сын, Дима, но он умер. Так что теперь живем вдвоем. Сосуществуем, точнее говоря. Любовь прошла, увяли розы.

Константин покосился на новую знакомую:

– Почему же тогда не разведетесь?

– Говорят же тебе, мой Степчик богат и влиятелен.

– А-а! Тогда понятно.

Мария подпрыгнула от возмущения.

– Ничего тебе не понятно! Степчик меня ни за что не отпустит. Я его любимая игрушка, а он не из тех, кто упускает свое. Дать мне свободу – это для него все равно что подарить кому-то свою квартиру или... ну, я не знаю... машину. Как там в поговорке? Трубку, коня и жену не отдам никому... Это могло бы стать девизом для Степчика.

Константин снова покосился на Марию, а потом перевел взгляд на улицу, по которой шагали люди, наверняка тоже скрывающие какие-то свои маленькие и большие тайны. Никто из них не спешил откровенничать с незнакомцами. Даже с живущими по соседству.

– Не боишься, что Степчик нас увидит? – спросил Константин.

– А ты? – вопросом на вопрос ответила Мария.

– Я свое отбоялся.

– Вот одна из причин, по которой я здесь. Ценю в мужчинах смелость. А что касается Степчика, то он постоянно занят на службе. Время от времени за мной ведется так называемое внешнее наблюдение...

– Наружное, – поправил Константин.

– Ну да, – согласилась Мария. – За мной ведется наружное наблюдение, но я давно научилась вычислять «хвост». В данный момент слежка не ведется, так что беспокоиться не о чем. А теперь предложи мне что-нибудь. Что хочешь. Я заранее на все согласна.

Ошеломленный столь откровенным предложением, Константин посмотрел на Марию. Она смело встретила его взгляд. Ее ноздри слегка подрагивали, но в остальном она сохраняла полное спокойствие.

Константин уставился в истрескавшийся асфальт под ногами.

– Расскажи мне о сыне, – тихо предложил он. – Каким он был? От чего умер?

В то же мгновение Мария вскочила со скамьи, злая, негодующая, с резко изменившимся лицом.

– А вот это тебя не касается! – выкрикнула она так громко, что обратила на себя внимание двух молодых мам, пристроившихся неподалеку с колясками. – Не лезь ко мне в душу, Костя! Остальное к твоим услугам, но душу не трожь!

– Без души, – промолвил Константин, – все остальное просто мясо. Я сыт, спасибо. В подачках не нуждаюсь.

Разрумившись, словно от пары пощечин, Мария собралась уходить, но, удалившись от Константина на несколько шагов, вернулась.

– На тот случай, если вдруг все-таки проголодаешься... – Она достала из сумки визитную карточку и сунула ее Константину. – Здесь два номера, домашний и мобильный. Звони только по мобильному. С восьми утра до шести вечера, не раньше и не позже. Чао.

Не давая ему возможности попрощаться, она удалилась стремительной походкой по аллее, свернула за деревья и пропала.

– Чао-какао, – запоздало ответил Константин.

Его пальцы обхватили визитку. Подержали немного, словно пробуя на ощупь, а потом Константин сунул картонный прямоугольничек в задний карман джинсов. Вопреки своему заявлению, он таки изголодался по женской плоти. Очень.

Глава 4

Новые олимпийцы

Отель «Олимпийский» вырос в центре города на месте гостиницы «Дружба», где во время войны размещалось гестапо. А первоначально здание принадлежало НКВД, так что подвал был построен на совесть, со знанием дела. Когда пришло время сносить «Дружбу», Александр Викторович Мотыль распорядился подвальные помещения не трогать а, наоборот, сохранить в целости и сохранности.

«Олимпийский» был возведен на старом фундаменте и снабжен несколькими тайными ходами, позволяющими незаметно опускаться в подземелье. За бронированными дверями и сдвигающимися бетонными плитами находилось несколько настоящих тюремных камер, великолепно оборудованный тир, тренажерный зал, сауна, бассейн, печатный цех, кладовые и, главное, секретные выходы наружу – в канализационную сеть и подвалы соседних домов.

Все это влетело в копеечку, но Александр Викторович не привык экономить на собственной безопасности. По пьяни ему до сих пор снился тот страшный вечер, когда его чуть не прихлопнули в собственном подъезде, как в мышеловке. Спасло его тогда божье провидение, иного объяснения у Мотыля-младшего не было. Он не должен был остаться в живых, но остался. И до сих пор не знал, кто подослал к нему трех киллеров.

Чудом вырвавшись из засады, он ввалился в квартиру и, налетая на мебель, добрался до дивана.

– Звони в милицию, – сказал он жене, ощупал свои намокшие штаны и завизжал во всю силу голосовых связок: – И «Скорую» вызывай, «Скорую». Я ранен! Они все-таки меня достали, паскуды!

К счастью, это была не кровь и срочная госпитализация не понадобилась. Но в ночных кошмарах Мотыль истекал именно кровью, а не мочой, и это заставляло его постоянно подозревать всех окружающих в измене. Включая родного брата. В первую очередь родного брата...

Сережа всегда был успешнее и расторопнее Саши. За столом ему доставались лучшие куски, в школе – хорошие отметки, на улице – уважение сверстников. Он первым освоил гитару, тогда как Сашу родители заставляли пикивать на скрипке под присмотром нанятого преподавателя. Когда Саша без памяти влюбился в белобрысую Иру Соболеву из пятого «А», Сережа из чувства соперничества отбил ее у брата. Заявился домой и с довольной улыбкой объявил:

– А мы с Ирккой друг другу показали.

– Что показали? – не понял Саша.

– А все. Сняли трусы и показали.

Разумеется, Саша набросился на старшего брата с кулаками и, разумеется, получил в глаз. Фингал рассосался. Обида осталась.

С тех пор дух соперничества не угасал, а только набирал силу. Не раз и не два Мотыли устраивали друг другу всевозможные пакости, ссорились, даже дрались, но потом все-таки мирились. Дело было не столько в родственных чувствах, сколько в повязавшем их бизнесе. Они начинали с совместного капитала, а потом не сумели поделить приобретенную собственность. Ни Мотыль-старший, ни Мотыль-младший не желали поступиться даже киосками, не говоря уже о заправках, рынках и супермаркетах.

Наконец Сергей Викторович прибрал к рукам спорткомплекс, а Александр Викторович оставил за собой отель. Эти объекты сделались как бы их феодальными замками, где каждый заправлял по-своему. Но и спорткомплекс, и отель «Олимпийский» сохранялись за фирмой «Интеринвест», в которой оба Мотыля имели равные доли. И ситуация сложилась патовая.

Братья и рады были бы разойтись по-хорошему, но жадность не позволяла им достичь компромисса. Уступать не желал ни один, ни второй. И каждый искал способы обойти другого.

Александр Викторовичу Мотылю так и не удалось выяснить, кто напал на него в подъезде шесть лет назад. Но он был почти уверен, что киллеров нанял его родной брат. Интуиция подсказывала ему это. Здравый смысл – тоже. Задай вопрос «кому выгодно?» – и получишь правильный ответ. Мотыль-младший задавал себе этот вопрос неоднократно. Результат всегда получался одинаковым. Перед мысленным взором возникало преувеличенно озабоченное лицо брата, заявившегося сразу после нападения. Только за встревоженной маской читалась тщательно скрываемая досада. Даже если и не он организовал покушение, то, несомненно, предпочел бы, чтобы младший брат сыграл в ящик. Пышные похороны, венки с трогательными надписями, трагические речи и тосты... А после похорон Мотыль-старший стал бы в два раза богаче и обрел бы полную свободу.

Размышляя об этом, Александр Викторович даже мог невольно прослезиться и явственно услышать заунывную музыку похоронного оркестра. Но в воображении своем хоронил он не себя и слезы проливал тоже не по своей персоне. Место в гробу оставлял он за родным братом.

Проковыляв на кривоватых коротких ногах по ярко освещенному туннелю, Александр Викторович Мотыль добрался до выложенной белой плиткой комнаты, сверкающей в свете неоновых ламп, как операционная. Комната была оборудована со знанием дела. На полу имелся желоб для стока, стены и потолок были оснащены звуконепроницаемым волокном, вентиляционный канал исправно втягивал сигаретный дым и неприятные запахи.

В дальнем углу приткнулся оцинкованный стол с приваренными наручниками. С потолка свисал мясницкий крюк на свободно ходящей цепи. В центре помещения стояло стоматологическое кресло с ремнями на подлокотниках. В кресле, уронив голову на грудь, сидел раздетый до пояса мужчина. Рядом возвышался Кит, ловко справляющийся с обязанностями палача. На кушетке у стены пристроился еще один тюремщик, известный Александру Викторовичу по кличке Шапокляк. Едва босс переступил порог помещения, Шапокляк бросился закрывать дверь, дабы не была нарушена предписанная инструкцией звукоизоляция.

Прозвище он получил за поразительное сходство с мультипликационным персонажем. Носатый, тонкогубый, с острым подбородком.

– Согласился? – осведомился Мотыль, остановившись напротив человека в кресле.

– Упертый, сука, – пожаловался Кит. – Партизана тут из себя корчит. Еще и угрожает...

Кит напоминал чудесным образом выросшего карапуза, сохранившего пухлую детскую фигуру, округлые щеки и великоватую для его телосложения голову с редкими светлыми волосиками. Но этот облик был обманчив. Садист, он больше всего на свете любил мучить людей.

А вот Мотылю это занятие не нравилось. Но какой бизнес без крови и пыток, какая конкуренция?

Поморщившись, Мотыль-младший переспросил:

– Угрожает?

С трудом подняв голову, сидящий в кресле обвел мутным взглядом присутствующих, задержал его на Мотыле и, запинаясь, произнес:

– Сергей Викторович меня искать будет... и найдет. Лучше отпустите. Пока не поздно.

– Еще не поздно, – дурашливо пропел Шапокляк, – еще не рано, а я иду домой из ресторана.

Мотыль двинул ему в харю растопыренной пятерней, отчего Шапокляк отлетел назад, ударился о кафельную стену затылком и замер там с перекошенным ртом.

Мотыль не обратил на него внимания.

– Зубы ему сверлили? – спросил он, меряя пленника испытующим взглядом.

– Три, – доложил Кит. – Орет благим матом, но упорствует. – Я тогда ему брюхо паяльной лампой подсмолил. Ну, как вы говорили, чтобы следов видно не было. Хотя тут впору ногти рвать или пальцы ломать. По одному.

– Слыхал? – спросил Мотыль у пленника. – У нас тут, кстати, хирургический инструмент имеется. Хочешь, чтобы на тебе опробовали?

– Без наркоза, – вставил Кит.

– Если Сергей Викторович... – Пленник облизнул пересохшие губы. – Если Сергей Викторович узнает, что я стучу вам на него, – он поднял страдальческий взгляд на Мотыля-младшего, – мне все равно не жить, по-любому. Кончат меня.

– Зато без мучений, – заметил Александр Викторович.

– А семья? Ее ведь тоже порешат.

– Мы тоже можем, – уверенно заявил Кит.

Александр Викторович вздохнул и тяжело сел на опустевшую кушетку.

– Выхода у тебя нет, Лакрицин, – вкрадчиво заговорил он. – Попал ты, между жерновами попал. Куда ни кинь, всюду клин. Так что советую принять мое предложение. Сливаешь мне информацию и получаешь за это бабки. – Он многозначительно потер пальцы. – С кем мой брат встречается, о чем базарит, что замышляет. Ничего сверхъестественного от тебя не требуется. Ты ведь простой охранник, с тебя спрос маленький. Брат выехал куда-нибудь – ты мне отзвонился. Сболтнул что-нибудь обо мне – то же самое. А я тебе, помимо гонорара, на лечение зубов башлей подкину. И за моральный ущерб. Ну? Соглашайся, Лакрицин, соглашайся.

– Семья у меня, – тоскливо произнес пленник. – Мать, батя, жена с малой... Как же я их подставляю?

– А как все подставляют.

– Не все.

– С чего ты взял? Фильмов нагляделся? Так у нас тут не кино, у нас жизнь, Лакрицин. Все в реальном времени, без дублей и каскадеров.

– Баба моя как-то проворовалась на рынке, так ее на хор в наказание поставили, – встрял Шапокляк. – И что, думаешь, я за нее подписался? А вот ей! – Он рубанул себя ладонью по сгибу локтя. – Виновата – получай. А мне своя шкура ближе к телу.

– Вот и ты о собственной шкуре думай, – посоветовал Лакрицину Кит. – Она у тебя одна.

– Нет, – пролепетал узник.

Было видно, что ему очень страшно, однако свое коротенькое «нет» он произнести сумел. Внезапно Мотыль позавидовал ему. Хотя очутиться на месте Лакрицина не захотел бы ни за какие коврижки.

– И что прикажешь с тобой делать? – нахмурился он.

В потухших глазах Лакрицина мелькнул проблеск надежды.

– А вы бы отпустили меня, Александр Викторович. Ей-богу, никто о нашем разговоре не узнает. – Лакрицин сделал безуспешную попытку перекреститься. – Я вообще рассчитаюсь, на хрен. Заберу своих и свалю под Курск к бабке. А вы тут сами, без меня друг с дружкой разбейтесь. А?

– Поешь, как курский соловей, – произнес Мотыль со вздохом. – А свистишь, как Троицкий. Только я тебя отпущу, как побежишь ты к моему братцу с докладом... Короче, или ты сейчас говоришь «да», или никогда отсюда не выйдешь. И никто не узнает, где могилка твоя. Сечешь? Если сечешь, соглашайся.

Потупившись, Лакрицин повел головой из стороны в сторону. Это означало «нет».

– Примерный семьянин, мля, – процедил Кит.

– Займись-ка его яйцами, – распорядился Мотыль-младший. – Хватит рассусоливать. Не желает по-хорошему, пусть будет по-плохому.

– Понял, шеф, – деловито произнес Кит и повернулся к Шапокляку. – Сымай с клиента штаны. Ща мы его щипцами за причиндалы потрогаем.

Подручные засуетились, а Мотыль-младший закурил и сосредоточился на дымных кольцах, выдуваемых из составленных трубочкой губ. Не любил он присутствовать на подобных мероприятиях. Аппетит портился, давление подсакивало, бессонница мучила. Затянувшись, Мотыль опустил набрякшие веки.

Раздался дикий вопль, сопровождаемый гогогом экзекуторов. Еще один, еще... Некоторое время Лакрицин молчал, а Шапокляк оживленно делился впечатлениями с Китом. Потом оба заткнулись. Сделав несколько глубоких затяжек, Мотыль вопросительно посмотрел на них.

– Кажись, того, шеф, – пробормотал Кит, держа ладонь на шее пленника. – Пульс пропал.

– Что значит «пропал»?

– Значит, окочурился он.

– Типа, от болевого шока, – осторожно пояснил Шапокляк, держась от босса подальше. – Сердечко, типа, не выдержало. Слабак.

Мотыль посмотрел на труп Лакрицина. Низ его живота и голые ляжки были перепачканы кровью. Две кровавые капли запеклись в уголках его вылезших из орбит глаз. Штаны с трусами, стянутые до щиколоток, придавали ему вид жалкий и комичный одновременно, но жалости Мотыль не испытывал, а смешно ему не было.

– Мудаки, – вздохнул он, с усилием вставая. – Ни хрена поручить нельзя. У гестаповцев и чекистов небось никто раньше срока не подыхал, а вы...

– Так у них и опыта было поболее, – стал оправдываться Кит.

– Типа конвейера смерти, – ввернул умное словцо Шапокляк.

– А вы потренируйтесь, – предложил Мотыль. – Друг на дружке. Потому что, если еще один такой косяк упорете, я вас самих на конвейер смерти отправлю.

– Извините, Александр Викторович, – заныл Кит.

– Больше не повторится, – вторил ему Шапокляк.

Они смахивали на парочку нашкодивших школьников, вызванных к директору.

Мотыль устало махнул рукой.

– Хорош сопли распускать, лучше приберите здесь. Этого, – он кивнул на Лакрицина, – в камеру хранения.

– Будет сделано, Александр Викторович.

Камерой хранения назывался специальный отсек, снабженный нишами, которые замуровывались по мере необходимости. Две трети из них уже были заполнены. Еще одна головная боль. Куда потом трупы девать, без которых коммерции не бывает?

Ломая над этим голову, Мотыль-младший побрел по коридору к лифту. Пора было подниматься на поверхность, где ожидали другие дела.

«Покой нам только снится», – горестно подумал он.

Сопя и вздыхая, Александр погрузился в кабинку лифта, скрипнувшую под его тяжестью. Настроение было мерзопакостным. Он сожалел о том, что Лакрицин подох слишком рано. Следовало бы хорошенько помуржить его напоследок. Уже за одну только несговорчивость. Как он посмел сказать Мотылю «нет»? Ну не сволочь он после этого?

Добравшись до центра города, Константин неспешно зашагал в сторону отеля «Олимпийский». Наверняка отель, как обычно, пустовал, потому что цены здесь были непомерно высокими – для того чтобы отпугивать рядовых постояльцев. Временами в «Олимпийском» останавливались какие-то таинственные иностранцы и деловые партнеры Мотылей, но вряд ли с них брали деньги. Отель строился не для того, чтобы приносить прибыль. Здание в первую очередь выполняло функцию штаб-квартиры.

Чтобы попасть к парадному входу, нужно было пересечь главную площадь города, названную, как водится, именем вождя Великой Октябрьской социалистической революции. Гранитный Ленин уверенно стоял на постаменте, выбросив руку вперед, где, по замыслу скульптора, всех ожидало светлое коммунистическое будущее. Теперь получалось, что указывает он прямо на отель «Олимпийский». «Да здравствует бугжуазия, товагищи! Пгедпгиниматели всех стган, соединяйтесь!»

У постамента бродили откормленные голуби, прогуливались парочки, дожидались клиентов фотографы, а какой-то чудак кричал в мегафон, призывая окружающих собирать подписи против губернатора, чей автомобиль недавно сбил насмерть двух пешеходов. От поборника справедливости шарахались как от сумасшедшего, да и может ли быть нормальным человек, полагающий, что подписи простых граждан что-то значат в этом мире?

«Предприниматели всех стран, соединяйтесь! Заодно с политиками и государственными чиновниками! Великая коррупционная революция, о которой так долго мечтали либералы, совершилась!»

Перейдя через улицу, Константин физически ощутил, как в него нацелились зоркие глазки видеокамеры, реагирующие на всех прохожих, оказавшихся возле отеля. Насколько он помнил, по вечерам здесь постоянно прогуливались компании молодых людей спортивного сложения, которые и сами тишину не нарушали, и другим не позволяли. Купят подростки пива, возьмутся песни орать или просто голос повышать от избытка чувств, а их вежливо так под локти – и за угол. Глядишь, через пару минут уже разбегаются кто куда, шмыгая расквашенными носами. Тишь, гладь да божья благодать. Полиция отдыхает.

Толкнув вращающуюся дверь, Константин очутился в прохладном вестибюле, приблизился к портье за стойкой, представился. Ему пришлось делать это еще трижды, пока его передавали из рук в руки, позволяя переходить с этажа на этаж. Наконец Костю пропустили через рамку металлоискателя, тщательно обыскали и оставили в обществе коротышки с бультерьером на поводке. Могучий пес мог бы запросто поволочить его за собой, но по какой-то причине не делал этого. Может быть, надоело ему лютовать и показывать норы, а может, коротышка внушал ему симпатию. Кто их разберет, этих бультерьеров...

Косясь на пса, Константин преодолел последние метры пути и был заведен в приемную, смахивающую на обсерваторию, из которой вынесли оборудование, заменив его экзотической зеленью. На месте телескопа в центре помещения под куполообразным потолком восседала писаная красавица в строгой белой блузке. Для пущей важности на нее нацепили очки, скорее всего, с обычными стеклами. Испуганно взглянув сквозь них на изборожденное шрамами лицо вошедшего, она указала на массивную резную дверь и пискнула:

– Александр Викторович вас ждет. У вас ровно три минуты.

– А это уж как Александр Викторович решит, – обронил Константин, берясь за дверную ручку.

Кабинет занимал два этажа в высоту, будто обитал здесь не заурядный кривоногий толстяк с оплывшей физиономией, а сказочный великан. Однако великаны в этих краях не водились, а восседал за громадным столом не кто иной, как Мотыль-младший. За его спиной стоял телохранитель в просторном костюме с расстегнутым пиджаком, под которым, ясное дело, находилась кобура с пистолетом. Он следил за каждым движением визитера. Как, впрочем, и сам Мотыль.

«Узнает, не узнает? – лихорадочно думал Константин, приближаясь к столу. – Узнает, не узнает?»

– Ну и харя у тебя, – покачал головой Мотыль, не предлагая Константину сесть. – Ты откуда такой, красавчик?

– Жизнь потрепала малость, – сказал Константин. – Но тут ведь у вас не конкурс красоты.

«Узнает? Не узнает?»

Мотыль прищурился, отгоняя ладонью завесу сигаретного дыма.

– Шустрый, – оценил он. – Кого-то ты мне напоминаешь...

– Лохнесское чудовище? – предположил Константин, скрывая за бравадой тревогу, заставляющую сердце колотиться все быстрее и быстрее.

Телохранитель приподнял руку, стряхивая несуществующие соринки с лацканов пиджака. Было ясно, что вызвано это не внезапно проснувшейся чистоплотностью. Телохранителю не понравились интонации, прозвучавшие в голосе визитера, и он решил держать руку поближе к пистолету.

Что касается босса, тот, напротив, демонстрировал абсолютное спокойствие.

– Из бластных? – высказал он предположение. – Под кем ходил?

Константин позволил себе намек на улыбку. Угол его рта слегка приподнялся.

– Под министром МЧС, – сказал он.

– Чего?

– В Министерстве чрезвычайных ситуаций кантовался, – пояснил Константин. – До этого пару горячих точек прошел.

Горячая точка у него была одна – в душегубке на зоне, где Рогач отобрал у него ту драгоценную кружку воды. Но об этом распространяться было глупо и опасно.

– Где именно? – продолжал допрос Александр Викторович.

Он мало чем отличался от того обмочившегося в лифте Мотыля, который отплатил Константину черной неблагодарностью. Разве что разелся еще сильнее и стал гораздо вальяжнее. Сигарета в его пальцах казалась тоненькой, как зубочистка. Сделав последнюю затяжку, он оставил ее дымиться в пепельнице, а сам откинулся на спинку затрещавшего кресла.

– Где именно, не скажу, – произнес Константин. – Подписку о неразглашении дал. Да это и не важно. Главное, воевать обучен. И прочим житейским премудростям.

– Разрешите... – подобострастно изогнувшись, телохранитель убрал пепельницу со стола и стал тушить окурки.

– Каким, например, премудростям? – прищурил глаз Мотыль.

– Если бы я вас охранял, – сказал Константин, – я не стал бы окурки за вами убирать.

Телохранитель с ненавистью уставился на него, играя желваками.

В груди Мотыля засипело. Откашлявшись, он вытер заслезившиеся глаза и уставился на Константина:

– Из обостренного чувства собственного достоинства?

– В целях вашей же безопасности, Александр Викторович. Пока ваш бугай пепельницей занимался, злоумышленник мог вас укокошить.

– Разве тебя не обыскивали? У тебя ведь нет оружия.

– Один мой знакомый запросто убивал людей ударом обычной ручки в глаз. Есть и другие способы. Поэтому, будь я вашим телохранителем, я бы на посторонние дела не отвлекался.

Повернувшись всем корпусом, Мотыль оглянулся на побледневшего телохранителя, лицо которого пошло красными пятнами.

«Если сейчас турнет его, значит, поверил, – подумал Константин. – Ну, давай! Ну, ну!»

Его мысленные мольбы услышаны не были.

– Слышал? – спросил Мотыль подсевшим от неудобной позы голосом. – Чтоб впредь не отвлекался. – Вернувшись в исходную позицию, он как бы между делом отодвинул подальше письменный прибор с торчащими оттуда карандашами и ручками, а затем заглянул в лежащую на столе анкету. – Как ты... – Он наморщил лоб. – Как ты, Константин Игоревич Зорин, на нашу фирму вышел?

Константин едва заметно дернул плечами.

– Объявление было. Приглашаются на работу молодые люди крепкого телосложения, с опытом работы в охранных структурах.

– И что ты охранял?

– В основном свою жизнь.

– Следовало бы и о личике позаботиться.

«Не узнал, – понял Константин с облегчением. – Сто пудов не узнал. Ну, на девяносто девять по крайней мере».

– Если бы не личико, так разве бы я к вам подался? – Он криво усмехнулся. – Но приметный уж больно. Серьезные люди таких не берут. Чуть высунулся – опознали.

Мотыль возмущенно засопел.

– А мы, по-твоему, несерьезные?

– У вас бизнес, – пожал плечами Константин. – Легальный. Вы с правоохранительными органами не часто пересекаетесь.

– Как сказать, как сказать... – Мотыль еще раз заглянул в анкету и отложил ее в сторону.

Очередная сигарета дымилась в пепельнице, словно миниатюрный вулкан. Покосившись на нее, телохранитель спохватился и перевел взгляд на Константина. Его глаза пылали ненавистью, как у злопамятного кота, которому прищипали хвост.

Мотыль подобрал брюхо, чтобы кое-как забросить ногу за ногу.

– Значит, в охранники ко мне хочешь, Зорин?

Константин коротко кивнул.

– Для начала.

– Ого! Высоко метишь?

– На войне я убивал. В МЧС боролся с последствиями стихийных бедствий и прочими напастями. Я много чего умею и мало чего боюсь. Думаю, вы меня в скором времени оцените.

– Уже оценил, – сказал Мотыль. – Не возьму я тебя в охранники.

Сердце Константина рухнуло куда-то в область желудка. Кажется, перестарался. План не сработал.

– Как знаете. – Он повернулся, чтобы уйти.

– погоди, – окликнул его Мотыль. – У меня к тебе другое предложение.

Уф-ф! Чувствуя, как из пор выступает холодный пот, Константин обернулся.

– Сядь, – предложил Мотыль. – Разговор серьезный будет. Выпить чего-нибудь желаешь?

«Воды, – пронеслось в мозгу Кости. – Воды желаю. Знаешь ли ты, что такое настоящая жажда, Александр Викторович?»

Глава 5

Один на один

Кружка Рогача стояла под дверью, наполненная до краев драгоценной живительной влагой. Он потянулся за нею, удовлетворенно отдуваясь.

Как это часто бывает, Рогача подвела самоуверенность. Поспешил он наклониться, подставился. Недолго думая, Константин с силой пнул его в отставленный зад. Он здорово ослабел в душегубке, но, по счастью, этого единственного удара хватило. Потеряв равновесие, Рогач врезался головой в стену и сполз на пол без чувств. Падая, он перевернул кружку, но Константин успел подхватить ее, пролив лишь немного жидкости.

Вкус у воды был затхлым, но это не имело значения. Главное, что это была вода. Казалось, ее можно пить целую вечность, лишь изредка отвлекаясь на какие-нибудь другие дела.

Заставив себя не торопиться, Константин выцедил воду, наблюдая за лежащим на полу противником. Рогач очнулся минуту спустя. Глаза у него были мутными, на лбу зияла свежая рана, чем-то напоминающая по форме звездочку. Рогач потрогал ее кончиком пальца и лизнул кровь.

– Здорово ты меня, – сказал он.

– До свадьбы заживет, – пообещал Константин, следя за каждым движением сокамерника.

Тот приподнялся на одно колено и сел снова с протяжным стоном. В театре одного актера разыгрывался спектакль под названием «Утомленные солнцем... жаждой и ранами». При этом взгляд Рогача давно обрел осмысленность и звериную цепкость. Глаза выдавали его с головой. Выражение их никак не вязалось с нарочито безвольной позой.

– Дай руку, – попросил Рогач, всем своим видом показывая, что не представляет собой опасности. – Помоги встать, ну?

Константин на эту нехитрую уловку не повелся. Это было все равно что совать пятерню в пасть тигру.

– Ты мне не барышня, я тебе не кавалер, – отчеканил он. – Сам встанешь, не инвалид.

Он оказался прав. Рогач не просто встал, он взлетел с пола, словно подброшенный пружиной. Под его нездоровой бледной кожей шевелились и подергивались мускулы. На напрягшихся бицепсах вздулись вены.

– Ну, баклан, – прошипел Рогач, вновь ощупывая лоб. – Ну, паскуда, ты мне за это ответишь. Знаешь, что теперь с тобой будет?

– По понятиям я прав, – сказал Константин, изображая спокойствие, которого он не испытывал. – Ты выпил мою воду, я – твою. Квиты.

Рогач погонял в носоглотке слюну и смачно сплюнул под ноги.

– А на «курорте» свои понятия, Роцца, – процедил он. – Если я тебя опущу, менты мне только спасибо скажут. Для того тебя сюда и определили. Чтобы не шибко пырхал.

«Вот оно как, – тоскливо подумал Константин. – Эх, гражданин начальник, да ты по части подлянок любого беспредельщика оставишь. И ведь не порвут тебе глотку за подобные номера. Потому что ты при солдатне и погонах, а мы без прав и с судимостями. Пыль человеческая на ментовских сапогах».

Константин тоже сплюнул.

– Давай, отработывай мусорское спасибо, – предложил он. – Только учти, их благодарность гнилая насквозь. Завтра тебя самого уроют. Повесят – и концы в воду. «До свиданья, друг мой, до свиданья, не печалься и не хмурь бровей».

– Есенин? – угадал Рогач. – Уважаю. Только тебе от этого не легче. Молись, ежели в бога веруешь, Роща. Только я не помню, чтобы он хотя бы раз зэкам помог.

– Без молитв обойдусь, – пробормотал Константин, наблюдая за сокамерником.

В ответ тот осклабился и подмигнул:

– Играет-то очко, Роща?

– Твое – громче, – парировал Константин. – И жалобнее.

– Юморист... Ну ничего, скоро я тоже посмеюсь. А вот ты кровавыми слезами умоешься и на собственной сопле повесишься.

Подняв пустую кружку, Рогач принялся натягивать ее на левый кулак. Следя за ним, Константин проделал то же самое. Похлопывая ладонью по дну кружки, Рогач шагнул вперед. Константин принял стойку. Она получилась не слишком уверенной. Кружка была плохой заменой боксерской перчатке. К тому же Константин был новичком в поединке подобного рода, тогда как Рогач действовал по хорошо известному ему сценарию.

– И-эх-х!

Размахнувшись, Рогач нанес первый удар. Автоматически подставив под кулак плечо, Константин получил кружкой в висок. Его шатнуло. Рогач ударил опять, метя прямо в лоб. Константину повезло, что он находился в неустойчивом равновесии. Дно кружки соприкоснулось с его головой в тот самый момент, когда он отклонился назад. Ослабленный удар не вырубил его окончательно. И заставил собраться с силами, потому что побед по очкам в тюремных поединках не бывает. Не прозвучит спасительный гонг, не выкинет полотенце секундант. Или ты его, или он тебя. Не исключено, что насмерть.

Маневрируя по тесной камере, Константин лишь оборонялся, почти не нанося ответных выпадов. Тем самым он берег силы, дыхание и подгадывал удобный момент.

Твердый кулак и жесткая кружка Рогача поочередно охаживали его по плечам и локтевым сгибам, не доставая до корпуса и головы. Но слишком долго так продолжаться не могло. Смекнув, что противник попался ушлый и умеет грамотно защищаться, Рогач непременно пойдет на сближение. Очувшись в его могучих ручищах, Константин моментально утратит преимущество. В этом случае пародия на боксерский поединок закончится его полным поражением.

Лучше сдохнуть!

Позволив прижать себя к стенке, Константин сделал вид, что выдохся и раскрылся, опустив руки на уровень груди. Злорадно осклабившись, Рогач занес свой кулак в мятом алюминиевом колпаке. В удар он вложил всю свою чудовищную силу, на чем и строился расчет Константина. Вовремя отклонив голову, он услышал скрежет металла о бетон.

Было такое впечатление, будто в стену шарахнули тараном. Физиономия Рогача перекосилась от боли, глаза утонули в слезах. Его левая пятерня, упрятанная в тесную кружку, наверняка сильно пострадала, врезавшись в стену. Возможно, он даже переломал пальцы или, в лучшем случае, отделался выбитыми суставами.

– Сука, – повторял он, ища Константина слезящимися глазами. – С-сука.

Несколько раз качнувшись из стороны в сторону, чтобы сбить противника с толку, Константин молниеносно ударил его своей кружкой в напряженный бицепс левой руки. Еще, еще и еще.

– А! – вскрикивал Рогач. – А, а, а!

– На! – передразнивал его Константин. – На! На!

– Ур-рою-у-уу!!!

По запарке Рогач перешел в наступление, но обе его конечности были выведены из строя. Правая, утратившая подвижность и упругость, представляла собой угрозы не больше чем скатанное в трубочку полотенце, которым вяло размахивали в воздухе. Левая, закованная в покореженный металл, действовала с прежней скоростью, однако, натываясь на любую преграду, тут же повисала плетью.

В глазах Рогача читалось отчаяние, и все же он продолжал биться не на жизнь, а на смерть. Он не был героем. Он был бойцом. Таким же, как Константин и сотни тысяч других эзков, находящихся за колючей проволокой по всей стране. В России таковых насчитывалось чуть больше миллиона, ровно столько же, сколько во времена ГУЛАГа. Изменились лишь названия уголовных статей. Законы выживания остались прежними. Сегодня сдохни ты, а я завтра. Сдохни! Сдохни! Сдохни!

Легко парируя ослабевающие удары Рогача, Константин яростно лупил его по лицу и корпусу. От искореженной кружки он избавился, предпочитая действовать голыми руками. Время от времени Рошин награждал противника болезненными ударами по бицепсам, не давая ему возможности восстановить силы.

Рогач рычал и шатался как пьяный. Его заплавленные глаза превратились в щелочки, тогда как разбитые губы и распухший нос увеличились в размерах вдвое. Может быть, в другое время и в другом месте физиономия Рогача могла бы показаться карикатурной, но Константину было не до смеха. Его силы тоже были на исходе. Ослабленный голодом и жаждой, он задыхался, его руки становились все тяжелее, икры ног каменели от судорог.

Пора было отправлять противника в нокаут, иначе хана. Два-три полновесных удара в голову, и все. Хук, джеб и классический апперкот – лучше всего именно в такой последовательности.

Вероятно, Рогач своими щелочками сумел разглядеть решительные огоньки, зажегшиеся в глазах Константина, и сделал то, что ему давно следовало сделать, – пошел на сближение. Ринувшись вперед, он навалился на противника всем своим немалым весом.

К счастью для Рошина, оба были потными и взмыленными, так что полноценного клинча не получилось. Дважды выскальзывая из рук Рогача, Константин поддевал его челюсть правой, а потом добавлял наотмашь левой. На третий раз он отбросил противника прямым прицельным тычком в солнечное сплетение.

До него не сразу дошло, что бой закончен. Он все еще пытался держать стойку, прикрывая руками подбородок, хотя они упорно опускались на уровень груди и даже живота, словно их тянули вниз за невидимые веревки. Или в каждом кулаке Константин держал по такой же невидимой гантели.

Смахнув кровь, струящуюся из рассеченной брови, он увидел согнувшегося пополам Рогача. Тот ни в какую не желал падать. Переступал ногами из стороны в сторону, будто исполняя какой-то дикий танец, но сохранял равновесие. Пришлось ему помочь. Константин сделал это двумя сцепленными в замок руками, потому что одной рукой не сумел бы завалить и котенка.

Получив удар по затылку, Рогач прекратил свой бессмысленный танец. Качнулся вперед... назад... опять вперед... наконец тяжело опустился на колени. Головы он не поднимал. Из его ноздри или рта свесилась ярко-красная нить, постепенно доставшая до пола. Немного постояв на коленях, Рогач упал на четвереньки и, мотая своим бритым шишковатым черепом, прохрипел:

– Ну? Добивай, падла.

Перебарывая головокружение, Константин стоял в метре от него и хрипло дышал. По звучанию это напоминало работу пилы, распиливающей бревно: шух-шух, шух-шух... Он попытался сплюнуть кровь, наполнившую рот, а вместо этого выплюнул зуб.

– Добивай, падла, – повторил Рогач, поднимая опухшее, окровавленное лицо с полопавшимися губами. – Или я тебя порешу. По-любому.

– Лежачих не бьют, – сказал Константин и, разминая ободранные костяшки пальцев, возвратился на отведенное ему место.

– Это кто ж тебе такое сказал?

– Знаю.

– А я почему не знаю?

– Потому что тебя не учили, – отрезал Константин и сомкнул веки, давая понять, что разговор закончен.

Проследив за ним угасающим взглядом, Рогач повалился на пол и потерял сознание.

До девятого класса Константин Рощин ни разу не участвовал в настоящих потасовках, но настал день, когда уклониться от главного испытания в жизни подростка не удалось. Это произошло первого сентября, сразу после торжественной линейки. Еще до летних каникул, на субботнике, когда школьников выгнали на благоустройство территории, Костя повздорил с тщедушным шестиклассником. Фамилия его была Карапекин; он или сказал что-то не то, или посмотрел как-то не так, одним словом, нарвался на неприятности и схлопотал по шее. Проблема пацана состояла в том, что показательную трепку он получил в присутствии дамы своего сердца. Проблема Кости заключалась в том, что злопамятный шестиклассник Карапекин стал семиклассником, а минувшее лето посвятил занятиям в секции бокса, отрабатывая там хуки, свинги и прочие приемчики, позволяющие отправлять противника в нокаунт или даже в нокаут.

Костя тогда имел о боксе самое общее и весьма расплывчатое представление. Про различия между нокаутом и нокаутом он впервые услышал по пути к месту поединка, куда вместе с ним следовала шумная ватага сверстников, включая нескольких девчонок, не отличавшихся примерным поведением. Принимая вызов, Костя презрительно усмехался, и эта кривенькая усмешечка намертво приклеилась к его губам, когда он поинтересовался у своего секунданта Генки Малявкина:

– Разве можно выучиться прилично боксировать за три месяца?

– Прилично боксировать – вряд ли, – заверил его Генка, – а вот в челюсть садануть как следует – это, я думаю, запросто.

– Ну, это мы еще поглядим, – сказал Костя, нисколько не сомневаясь в правоте товарища.

– Ты должен его сделать, Костян, – подзадоривали болельщики. – Где это видано, чтобы седьмые на девятые хвост поднимали? Не подведи.

– Ладно.

– Задай этому Карпеке так, чтобы ему мало не показалось.

– Не покажется, – угрюмо обещал Константин.

До осенних холодов было еще далеко, а солнце уже только светило и не грело. И аллея, ведущая к месту поединка, была не настолько длинной, как того хотелось бы Косте. Перехватив его тоскующий взгляд, брошенный на скрывающуюся за деревьями школу, Генка тихо спросил:

– Мандражируешь?

– Да как тебе сказать...

– Запомни: бить надо первым, иначе он тебя уделает.

– Первым? – оживился Костя.

– Ага. Как только Карапекин заговорит, выжди немного, а потом неожиданно вмажь ему, – торопливо инструктировал Генка.

– А он заговорит?

– Обязательно. Угрожать станет или бочку катить. Притворись, что слушаешь, а сам бей. Используй фактор неожиданности.

– Фактор неожиданности, – повторил Костя, протискиваясь между прутьями чугунной ограды. За ней простирался пустырь, на котором собралось не меньше полусотни зрителей из младших классов. – Фактор неожиданности, хм...

Предвкушая потеху, болельщики встретили его появление свистом и улюлюканьем. На их фоне Карапекин выглядел собранным и деловитым: рукава рубахи закатаны, ремешок часов свисает из кармана, кулаки приподняты на уровень груди.

– Вот и мы! – крикнул ему Костя, спускаясь по откосу.

Слово «мы» нравилось ему значительно больше слова «я». Оно подтверждало принадлежность Константина к взрослому миру послезавтрашних выпускников.

– Мы, Николай Второй, – процедил Карапекин.

В его свите захихикали.

Несмотря на дружную ораву за своей спиной, Константин остался один, в белоснежной пайте, приобретенной родителями в Италии к дню рождения. «Вот тебе и фактор неожиданности, – подумал Костя. – Если я заявлюсь домой в изорванной и перепачканной обнове, то папе очень не понравится такая неожиданность».

– Первым, – прошипел Генка.

– Давай! – Константина нетерпеливо толкнули в спину.

Сделав шаг, он оказался нос к носу с осунувшимся от решимости Карапекиным. На расстоянии удара. С пустой головой и подрагивающими коленками.

– Помнишь, как ты меня весной? – спросил Карапекин.

– Ну, помню, – подтвердил Константин.

– Проси прощения, и разойдем... М-м!

Договорить Карапекин не успел. Не сводя глаз с его шевелящихся губ, Константин нанес удар. Прицельный, мощный, безжалостный, сопровождающийся клацаньем чужих зубов.

«Ого, как я его, – восхитился Константин. – Ни фиги себе!»

Отлетевший назад Карапекин сделался неправдоподобно маленьким, как в перевернутой подзорной трубе. Но тут кто-то спохватился и вернул трубу в нормальное положение. Ринувшийся вперед Карапекин заслонил собой небо, а его кулак, летящий в лицо Константину, был величиной с футбольный мяч... с арбуз... метеорит... планету...

Р-раз – и вселенная погрузилась во мрак. Два – и в этой непроглядной темноте стало горячо и солоно.

– Ай, – тоненько надсаживались вокруг комарики человеческими голосами. – Ей.

«Это они мне кричат вставАЙ! – дошло до Константина. – Это они кричат БЕЙ!»

– Угу, – произнес он. Его голос был громогласен, тогда как сам Константин куда-то подевался. Ни рук, ни ног у него не было. Одна голова, гудящая, как медный колокол.

Казалось, земля подбросила его, встряхнула, косо приподняла и вновь опрокинула назад, припечатав к себе затылком, лопатками, локтями.

– А-ай, – требовали со всех сторон. – Е-ей!

– Угу.

Преодолев земное притяжение, Константин воспарил, подобно воздушному шарик. Прямо перед ним раскачивалась фигура, принявшая боксерскую стойку. Из носа у Карапекина хлестало. Увидев это, Константин почувствовал, что вот-вот захлебнется собственной кровью. Не уместаясь во рту, она стекала в гортань.

– Подожди, – булькнул Константин.

Карапекин ждать не захотел. Налетел кузнечиком – отпрянул, налетел – отпрянул, а потом и вовсе исчез.

«Почему все голубое? – вяло удивился Константин. – Где деревья, где пацаны? И куда подевался Карапекин?»

Мгновение спустя стало ясно, что противник никуда не подевался: он возник над лежащим на спине Константином, четко выделяясь на фоне безоблачного сентябрьского неба.

Неужели опять колошматить станет?

Именно этого жаждали возбужденные зрители. Косте больше никто не кричал: «Вставай!» Зато «Бей!» орали пуще прежнего. Но опять же уже не Косте. Теперь все болели за Карапекина.

– Бей! Бей! Бей!

Карапекин протянул руку. Костя обреченно зажмурился.

- Руку дай, – донеслось до него сквозь звон в ушах. – Поднимайся, Роша.
- У-у... Мало ты ему всыпал... – разочарованно заныли зрители. – Надо еще... еще...
- Он свое получил, а лежачих я не бью. – Карапекин засопел, помогая Косте встать.

Не дожидаясь, пока пройдет головокружение, тот устремился прочь, провожаемый улюлюканьем мальчишек. Этот день навсегда врезался в его память. Пережитое унижение заставило его стать сильнее и научило не унижать других. Это был главный урок, усвоенный Константином в школе.

Увы, на зоне его благородство оценить было некому. Здесь били лежачих – забивали насмерть. Здесь нападали втроем... вчетвером... всемером на одного. А охотнее всего убивали спящих. Загоняли им гвозди в уши, резали глотки, душили подушками и ремнями.

«Не спать, – твердил себе Константин, украдкой поглядывая на лежащего напротив Рогача. – Не спать, не спать».

А глаза слипались. И голова наливалась тяжелым теплым свинцом.

Глава 6

Люди и звери

Ночь близилась к концу, а они продолжали сидеть лицом друг к другу, вздрагивая всякий раз, когда их веки непроизвольно смыкались, а головы свешивались на грудь. Время от времени Рогач дремал минуту-другую, тогда как Константин позволить себе этого не мог. Вот когда ему неожиданно пришло в голову, что сон, в сущности, та же смерть. Отключаешься и не знаешь, проснешься ли утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.